

11. План Маршалла

Как мы помним, двумя годами раньше, в июле 1947 года, вместе с появлением новой директивы JCS 1779 вступила в действие новая редакция плана Маршалла, подписанная Трумэном 3 апреля 1948 года. Первым, но уже очень многозначительным решением было поднять долю производства стали в послевоенной Германии до 50% довоенного производства. Трёхсторонние Ялтинское и Потсдамское соглашения открыто запрещали такую возможность, но советские протесты уже ничего не значили. Решение было принято без Советского Союза. Началось “участие Германии в восстановлении Европы”. А в действительности – создание нового государства – союзника Запада. На деньги, одолженные Америкой. В действительности план Маршалла заключался не в подарках, а в займах, хотя в коллективном представлении народов, измученных только что окончившейся войной, он был – и остался запечатлённым в общей памяти – колоссальным проявлением незаинтересованной солидарности, неподдельной бескорыстной дружбы.

Сколько было миллиардов долларов, ассигнованных по этому плану, спорят до сих пор. В западной публицистике ходят разные цифры. Те, насчёт которых существует наибольшее согласие, говорят о 14 миллиардах долларов, распределённых на четыре года, после выступления генерала Маршалла 5 июня 1947 года в Гарвардском университете. В пересчёте на нынешнюю стоимость денежных средств это примерно 200 миллиардов долларов. Другие источники говорят о примерно 500 миллиардах долларов в пересчёте на сегодняшнюю стоимость. Точный подсчёт суммы военных репараций, выплаченных Германией западным странам, никогда не был сделан. А если он и сделан, то никому не известен. Теоретически это была сумма около 2,4 миллиарда долларов в год, и последний денежный взнос был выплачен, как кажется, в 1971 году. Если это было так, это значит, что Германия выплатила гораздо больше, чем получила по плану Маршалла. Действие плана Маршалла официально завершилось в 1951 году, о чём и было объявлено. По всей вероятности, имела место серия компенсаций, более или менее секретных, которые объясняли политическими мотивами – вымышленными, потому что открыто об этих компенсациях не объявляли.

Если целью Запада было быстро восстановить сильное западногерманское государство, – а так и было, – тогда не было никакого смысла вынуждать это

государство тратить во время трудного индустриально-экономического возрождения такие большие суммы, отнимая их у инвестиционной политики. Это доказывает, впрочем, и поведение западных стран в отношении Саара. В начале его вручили Франции вместе со всем углём и со всей уцелевшей во время войны промышленностью. Но в 1955 году, главным образом, под англо-американским давлением Франция была вынуждена провести плебисцит о его возвращении под германское управление. Результат голосования был положительным, и первого января 1957 года Саар вновь присоединился к Западной Германии.

На самом деле план был нужен, чтобы снова привести в движение всю мощную машину немецкой промышленности при помощи инвестиций в промышленное оборудование и средства производства (многие из которых импортировались из Соединённых Штатов). В действительности первое, для чего требовались эти деньги, — покупка предметов первой необходимости, топлива, промышленных товаров. Европа, превращённая в развалины, была не в состоянии производить почти ничего. То есть займами, по плану Маршалла, США финансировали по большей части собственное сельскохозяйственное и промышленное производство. И нельзя забывать, что этими займами финансировалась и колючая пропаганда операция, целиком американская, которая научила европейцев использовать (и действовать в соответствии с ними) такие важные понятия, как “свободное предпринимательство”, “предпринимательский дух”, “производственная эффективность”, “рынок” и “конкуренция”.

Это отлично объясняет, почему Советский Союз, с лукавым умыслом приглашённый принять участие в плане Маршалла, после краткого размышления отказался. И так же поступили, по распоряжению Москвы, все страны восточного блока и три прибалтийские страны, оставшиеся под его контролем. Сталин не имел никакого желания позволять англичанам и американцам с их долларами, фунтами стерлингов и с их пропагандой проникать в его сферу влияния.

Однако ситуация с другой стороны “железного занавеса” оказывалась ещё сложнее, чем с западной. Вся европейская Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Кавказ только что подверглись страшным разрушениям и в своих промышленных, и в сельскохозяйственных областях. Задача их восстановления была поручена исключительно Советскому Союзу. Но Москве досталось решать и бóльшую часть проблем, связанных с восстановлением экономики её сателлитов. И это был не только финансовый вопрос: речь шла о соревновании с богатым Западом, во главе которого стояли богатейшие Соединённые Штаты, и одновременно надо было доказать странам восточной Европы, приобретённым во время военного наступления и бывшим совсем не в восторге от своего нового положения, что оставаться с этой стороны “занавеса” лучше.

Важное доказательство, что намерения Советского Союза на том этапе были именно таковы, — обязательство, взятое на себя СССР во время Потсдамской конференции: удовлетворить польские требования военных репараций с Германии, уступив Польше часть причитающейся СССР суммы. Щедрость Сталина была важным политическим решением, принятым, чтобы завоевать симпатии Варшавы. Но самым нашумевшим следствием поворота в западной политике вместе с созданием Федеративной Республики Германия была — как уже сказано — внезапная необходимость для Советского Союза пересмотреть всю свою политику в отношении своей оккупационной зоны.

СССР придерживался собственного плана “репрессивной оккупации”. Промышленные предприятия нацистской Германии, оставшиеся невредимыми или подлежащие восстановлению, были демонтированы и перевезены в СССР. Транспортные средства, локомотивы, вагоны, даже железнодорожные рельсы были секвестрированы и изъяты. СССР, не имевший таких ресурсов, “сам себе” платил военные репарации без особой деликатности, точно так же, как поступали западные страны в своих зонах вплоть до 1947 года. Известно, что в начале 1947 года, по крайней мере, четыре миллиона немецких солдат использовались на подневольной работе в Соединённом Королевстве, во Франции и в Советском Союзе. На востоке такая ситуация продлилась до середины 1948-го. С возникновением Федеративной Республики Германия Советскому Союзу тоже пришлось, в свою очередь, создать германское государство. 7 октября 1949 года возникла Германская Демократическая Республика (*Deutsche Demokratische Republik*) со

столицей в Берлине. И снова сами даты из хроника тех лет неопровержимо доказывают, что политическая, дипломатическая, экономическая инициатива постоянно принадлежала Западу. Советский Союз действовал только “в ответ”, “в противовес”, реагировал, отгораживаясь “железным занавесом”, который создавал Запад.

План Маршалла оказался большим успехом Запада с любой точки зрения. Обвинение Москвы в адрес Америки, что та хочет колонизировать Европу, пронеслось, как слабый вздох, только по международным дипломатическим резиденциям, но его услышала разве что незначительная часть западного общества. Западному общественному мнению объяснили, что американский план имел по преимуществу гуманитарные цели. Так его и восприняли – как братскую помощь Америки-победительницы. А экономический эффект действовал даже нагляднее, чем самая мощная пропаганда: немецкая экономика и промышленное производство Бонна (выбранного “временной” столицей ФРГ) быстро росли. Через два года после принятия плана Маршалла Германия уже подавала признаки бурного экономического возрождения, и остальная Европа начинала получать выгоду от его результатов.

Но самое реалистическое описание того, что означал план, дано было самим его создателем, генералом Джорджем Маршаллом, которого Гарри Трумэн назначил госсекретарём, в выступлении в Гарвардском университете (Кембридж, штат Массачусетс). На семи отпечатанных на машинке страничках, прочитанных им с трибуны Мемориальной церкви, излагались идеи, которые Трумэн потом озвучит в момент подписания плана: “План Маршалла <...> – не филантропическая операция <...>. Он основан на нашем видении требований, которые предъявляет нам безопасность американцев. <...> Это единственный мирный способ, сейчас открытый для нас и соответствующий нашему образу жизни, и отвечающий требованиям безопасности ответить на коммунистический вызов”.

В 1951 году Западная Германия увеличила промышленное производство в шесть раз по сравнению с 1946 годом. Запад доказывал народам своё экономическое превосходство. Коммунистические партии, возрождавшиеся тем временем во всех европейских странах, везде чувствовали себя слабыми и растерянными. Советскую модель, угрюмую и далёкую, невидимую за “железным занавесом”, защищать было трудно. Финансирование, которое Москва могла им дать, было крохами по сравнению с огромными долларовыми пирогами, которые Соединённые Штаты могли стряпать для поддержки проамериканских партий, формировавших все западноевропейские правительства. Повсюду происходило одно и то же. Поддержка социалистических идей чувствительно ослабла. Все самые важные органы печати, радио и телевидение стали объектами приобретения для крупных промышленных центров и американских спецслужб. То, что произошло в Италии, касалось всех. 18 апреля 1948 года Итальянская коммунистическая партия, которая благодаря Тольятти совершила Салернский поворот – радикальное обращение к парламентской демократии и правовому государству, отказавшись от идеи диктатуры пролетариата, – проиграла выборы и вскоре была исключена из правительства.

Политика демонтажа немецкой промышленности кончилась в 1951 году, а в 1952-м ФРГ присоединилась к Европейскому Сообществу угля и стали (СЕСА). Военная оккупация Западной Германии официально завершилась в 1955 году. Джорджу Маршаллу вручили Нобелевскую премию мира в 1953-м. По эту сторону “железного занавеса” американская гегемония была обеспечена всеми средствами.

12. Нюрнберг и “денацификация” Германии

Для нас неизбежно вернуться на шаг назад, чтобы посмотреть, как победители поступали не только с государством, но и с побеждённым режимом. Заявление Москвы в октябре 1943 года, подписанное Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, определило критерии, которые они считали главными для решения проблемы. Забраковали идею общей казни виновных, которая имела сторонников среди журналистов и западных политических лидеров, и решили, что только торжественный приговор и законный судебный процесс может прочертить на будущее юридическую и этическую границу, указывающую, что

не только и не столько незаконна война, сколько незаконно использовать её для нарушения всех моральных правил в отношении мирного населения и прав каждого человека на жизнь и человеческое достоинство.

Решено было, что главных руководителей нацистской партии будут совместно судить союзники, тогда как все соучастники – не немцы будут принудительно депортированы в родные страны и там судимы по тем законам, какие будут там действовать на момент подписания перемирия. Через шесть с половиной месяцев после капитуляции Германии, 20 ноября 1945 года в Нюрнберге начался судебный процесс над самыми высокопоставленными германскими функционерами, оставшимися в живых. Международный военный трибунал был составлен из судей, назначенных в равном количестве Соединёнными Штатами, Великобританией, Францией и Советским Союзом. Каждый из четырёх победителей назначал судью и группу прокуроров, которые должны были выдвигать обвинения. Необходимо было определить юридические нормы, которым надо было следовать в ходе процесса – задача нелёгкая, так как критерии, существовавшие в четырёх странах-победительницах, были не одинаковы. Сам выбор главных подсудимых не обошёлся без споров и проблем. В конце концов, было достигнуто согласие насчёт 24-х подсудимых, которых на самом деле выбрали для того, чтобы они представляли весь класс нацистских руководителей в его военной, политической, экономической и дипломатической составных частях.

Трое из этих подсудимых, – конечно, главные, – не могли сесть на скамью, потому что покончили с собой перед концом войны: Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер, Йозеф Геббельс. В числе подсудимых должен был быть и Густав Крупп – крупный промышленник, главная опора германской милитаризации. Крупп, хотя его и включили в первоначальный обвинительный акт, перед судом не предстал. Во время предварительных слушаний решили с общего согласия, что возраст и слабое здоровье – достаточный мотив исключить его из числа обвиняемых. В конце концов, перед судом предстал 21 человек. Мартин Борман, личный секретарь Гитлера, не был задержан, и его судили заочно. Роберт Лей, занимавший пост одного из 18-ти рейхслайтеров (руководителей рейха) в качестве главы *Deutsche Arbeitsfront* (Немецкого рабочего фронта), покончил с собой накануне процесса.

Их обвиняли в преступлениях против мира, военных преступлениях, заговорах, преступлениях против человечности. В число последних входили убийства, истребление людей, депортация, преследование населения оккупированных областей по расовому, политическому и религиозному признаку. Трибунал постановил, что каждое решение, чтобы быть принятым, должно получить согласие, по крайней мере, троих из четверых судей. Впоследствии предстали перед судом все главные нацистские организации: рейхсканцелярия, специальные военные формирования – такие, как СС, служба безопасности – СД, гестапо (тайная полиция), штурмовые войска (СА) и верховное командование германских вооружённых сил. Вердикт первого и самого важного процесса в Нюрнберге был вынесен 1 октября 1946 года. Двенадцать подсудимых приговорили к смертной казни, кремировали в Дахау и сбросили пепел в реку Изар. Трое подсудимых получили пожизненное тюремное заключение, других приговорили к более мягким наказаниям. Трое были освобождены.

24 главных обвиняемых были выбраны как предупреждение и как символ. В истории, на страницах учебников, в воспоминаниях того поколения остался процесс над руководителями. За ним последовали мириады менее значительных процессов, на которых судили офицеров и чиновников менее высокого уровня. Гарри Трумэн назначил главным прокурором американца, который расследовал дела 183-х обвиняемых-немцев на 12-ти отдельных процессах. В послевоенные годы в зоне, находившейся под советским контролем, последовали друг за другом сотни процессов. Другие судебные процессы состоялись в Италии, Австрии и Франции. Но история германской “денацификации” совсем не так ясна, как представлялось на Нюрнбергском процессе.

Достаточно вспомнить, что 10 октября 1945 года комиссия американского Сената под председательством сенатора Килгора опубликовала результаты расследования об ответственности немецких промышленников, “несомненно замешанных в преступлениях, совершённых нацистами”, где фигурировали 42 крупных промышленника, среди них названы были Крупп, Стиннес, Клик, Тиссен, Сименс, Пффердменгес. 23 марта того же года, за восемь месяцев до

“главного” процесса, генерал Маршалл распорядился арестовать 1800 промышленников. Ещё была крепка в умах и в сердцах – и на Западе, и в Советском Союзе – мысль, что очищение страны не должно быть поверхностным, иначе нельзя создать демократическую страну. Но достаточно вспомнить дату “длинной телеграммы” Джорджа Кеннана (23 февраля 1946 года) и Фултонской речи Черчилля (5 марта 1946-го), чтобы понять, почему 29 ноября 1946-го 27 из 42-х немецких нацистских промышленников были освобождены как невиновные.

Западные страны уже начали снова принимать бывших нацистских главрей на гражданские и административные должности на всех уровнях. Начали терпимо относиться к формированию военных объединений неонацистского толка. “Денацификация” Германии начала терять поддержку именно тогда, когда начинался Нюрнбергский процесс. То же относится и к “демилитаризации”. Создание НАТО уже шло полным ходом. В конце 1949 года генерал Клей открыто поддержал необходимость создать западноевропейскую армию и включить в неё германский контингент. 25 мая 1950 года западные министры иностранных дел, собравшись в Лондоне, решили, что “Германия должна быть освобождена от всякого контроля”. По этой новой колее, на которой уже неуместно было говорить о денацификации, пошло создание вооружённых сил Федеративной Республики Германия.

Статья 5 Потсдамского соглашения была забыта:

“Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и её целей, должны быть арестованы и интернированы”.

Для сравнения с высказанными здесь намерениями – вот несколько фактов: **Адольф Хойзингер**, командир дивизии, генеральный инспектор и глава генерального штаба Бундесвера – его мы вскоре встречаем на посту председателя военного комитета НАТО, который был высшей руководящей структурой этой организации. Следует добавить, что его имя открыто называлось в списке военных преступников – там он фигурировал в качестве экс-главы главного штаба Гитлера. И весь список производит впечатление. Вот ещё пример: **Фридрих Руге**, вице-адмирал, кавалер ордена Креста, вручённого по приказу Гитлера, сотрудник военного преступника Кессельринга в Италии – он тоже занял высокое положение в Атлантическом Альянсе. Так же, как и **Ганс Шпайдель**, ставший командующим наземными силами НАТО в центральной Европе, имея не вызывающее сомнений прошлое организатора нацистской агрессии против Франции и потом – главы гитлеровского генерального штаба. **Йозеф Каммхубер**, дослужившийся до командира дивизии, генерал-инспектор государственных сил истребительной авиации – после того как был питомцем Геринга и бомбил (10 мая 1940 года) немецкий город Фрибург, чтобы дать нацистам предлог для воздушного терроризма против мирного населения Франции. Итак, достаточно запомнить это краткое перечисление, чтобы понять, какой политический и моральный переворот совершился в эти послевоенные годы: в 1957 году гитлеровских генералов, занимавших посты в командовании Бундесвера, было 38; в 1960-м их стало 160.

Этот процесс стал даже более явным, когда формировались первые правительства Федеративной Республики Германия под руководством Конрада Аденауэра. Приводим здесь текст статьи 6 Потсдамских соглашений:

“Все члены нацистской партии, которые были больше, чем номинальными участниками её деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полупубличных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии”. Но в середине 1961 года из 18-ти министров 13 были членами акционерных обществ тяжёлой промышленности при гитлеровском режиме, а 9 сотрудничали с режимом или занимали должности в национал-социалистической партии, в СС, в нацистском государственном аппарате.

Несколько примеров будут полезны, чтобы лучше понять происходившее. **Людвиг Эрхард**, вице-канцлер и министр экономики ФРГ, был руководителем нацистского института промышленных исследований. **Франц Йозеф Штраусс**, министр обороны при Аденауэре, был офицером-инструктором вермахта. **Ганс Кристоф Зеебом**, министр транспорта, был командиром в СС. **Теодор Оберлендер**, министр по вопросам беженцев, руководил прессовыми СА и был председателем фашистского союза «Восточная Германия». **Ганс Иоахим фон Меркатц**, министр юстиции, начинал свою карьеру в гестапо – гитлеровской спецслужбе.

Стоит упомянуть о таком наглядном эпизоде. 22 октября 1952 года канцлер Аденауэр в ответ на запрос депутата от социал-демократической партии Эрлера, заявившего, что в государственных органах боннского правительства слишком много нацистов, заметил: «Господин Эрлер утверждает, впрочем, вполне справедливо, что, чем выше взбираться по лестнице государственных должностей, тем больше увидишь нацистов. Это правда, что среди функционеров, перечисленных господином Эрлером, начиная с должности советника и выше, около 66% составляют нацисты. Но я думаю, что нужно рассматривать этот вопрос с должной беспристрастностью, и можно сказать, что нельзя было действовать иначе. Было бы невозможно, например, восстановить наше министерство иностранных дел, если бы не были возвращены, по крайней мере, на высшие должности, лица, имевшие определённый опыт в этой области. Я считаю, что мы должны перестать требовать удаления этих нацистов».

13. Нацизм и Запад

Мы уже познакомились с рассуждениями Запада, то есть англо-американцев, о распаде антинацистского альянса, произошедшем сразу же после Потсдамской конференции. Это очень точные стратегические, геополитические, экономические и военные оценки. Конечно, реалистические, потому что, как мы увидим, верно учитывают американские и западные интересы. Однако это не исчерпывающие объяснения последующего развития событий. Это обязательно, хочу я сказать, чтобы создание Федеративной Республики Германия должно было происходить именно так, как оно в действительности происходило. План Маршалла, например, – совсем не то же самое, что НАТО, и не другая сторона той же медали. То есть создание НАТО вовсе не было необходимо в этих специфических условиях, хотя Запад считал необходимым прекратить «карательную оккупацию» побеждённой нацистской Германии и начать создавать Федеративную Республику Германия. Если НАТО создали, то потому, что в планах Соединённых Штатов было неограниченное наступление, и его первой целью было поражение Советского Союза.

Никто, я думаю, не описал это мирозерцание американской элиты лучше, чем это сделал Гор Видал в своём «Золотом веке», когда вложил в уста одного из будущих новых хозяев мира такие рассуждения:

«Настоящим врагом Соединённых Штатов, а в то же время и Бога, потому что они тождественны и неразделимы, был не Гитлер и не нацизм, а Сталин и его неотразимое кредо, изобретённое, чтобы очаровывать безмозглые массы всего мира – коммунизм без Бога, который покончит с деньгами во всём мире»¹.

Думаю, что Видал, который, будучи непосредственным свидетелем, верно описал идеи, распространившиеся в американской элите тех лет, подметил главное: «И чего требует от нас сегодняшний день?» – спрашивает один из тех, кому Америка обязана своим величием. И собеседник ему отвечает – с сарказмом, необходимым, чтобы не улыбнуться самому, но с уверенностью человека, произносящего историческую фразу: **«Быть уверенным, что свет свободы от факела той железной дамы сияет от Нью-Йоркского залива до далёких башен Улан-Батора, если там есть башни, в чём я сомневаюсь»².** Слова, вложенные в уста Генри Адамса³: **«Видишь ли, в конце концов, Европа уже не будет иметь значения, Европа – наше очаровательное прошлое. Тихий океан – наше ближайшее будущее. Потом континенты к северу. Провинция Шаньси в Китае. Манчжурия, Сибирь. Сейчас у нас власть. И у России. А вот это – к сожалению»⁴.**

Именно: к сожалению, и причину сожаления рано или поздно надо будет устранить. Но не обязательно сейчас. “Сдерживание”, на которое Джордж Кеннан указывал как на ключевой момент будущей американской политики в отношении Советского Союза, не предполагало само по себе создания военного блока откровенно агрессивного характера, каким стал с первых шагов блок НАТО. Не будем забывать, что Варшавский договор возник почти через пять лет, в ответ на создание НАТО (и не забудем при случае, что после развала Советского Союза, последовавшего за распадом Варшавского договора, блок НАТО продолжает существовать, безмерно расширившись и даже стал вооружённой рукой Запада, грозящей всему остальному миру).

Значит, надо искать другие мотивы, которые лучше объяснили бы не только агрессивное искажение политики Запада против СССР, но и нацистскую окраску этого неожиданного искажения, приобретённую сразу же после окончания “карательной оккупации”, действовавшей до Потсдамского соглашения. В немногие месяцы совершился переворот, который превратил в “друга” и товарища государство, прежде бывшее злейшим врагом Запада. Среди этих мотивов был один решающий. Влиятельные части английских и американских элит финансировали приход Гитлера к власти и поддерживали отношения большой дружбы и открытой идеологической близости с нацизмом как политическим движением. В этих объятиях с нацистами прямо участвовали не только многие политики из Лондона и Вашингтона, но — как уже было здесь замечено — западные промышленники и банкиры из самых влиятельных. В этом смысле можно с уверенностью утверждать, что Уинстон Черчилль отлично выражал настроения всех этих людей, когда всякий раз систематически реагировал на каждый шаг Рузвельта к дружественным соглашениям с Советским Союзом.

Черчилль был тем же самым Черчиллем, который с 1918 года провозглашал необходимость “задушить в колыбели” большевистскую угрозу. Советская Россия оставалась, и не только для него, постоянной навязчивой идеей. И теперь он был вынужден, не скрывая своей нетерпимости, вести диалог с Советским Союзом и со Сталиным не только на равных, но и как с собеседником, сыгравшим главную роль в достижении победы и предъявившим свои права на оккупацию огромнейшей части Европы. Но Уинстон Черчилль был в то же время “последним из могокан” Британской империи. Он чувствовал, что исход Второй мировой войны означает закат имперских амбиций Лондона. Он чувствовал это каждое мгновение по напористости и бестактности новоприбывших из-за океана, по грубости и высокомерию новых хозяев, с которыми они держались. Поэтому он защищал свои воспоминания и своё прошлое — своё и своего круга — людей, с которыми он встречался, к примеру, в залах Райт-Клуба в Лондоне, в котором состояло немало членов британского правительства, но не только антикоммунистов, но и откровенных антисемитов.

В этой среде систематически оказывали поддержку Гитлеру. Эдуард Восьмой, “король-предатель”, который был таким большим другом Гитлера, что стал его информатором. Он вынужден был отречься от престола именно по этой причине, а не из-за своих “скандальных” отношений с Уоллис Симпсон, как рассказывали тогдашние газетёнки. Управляющий Банка Англии Норман Монтегу руководил сверхсекретными операциями, позволившими нацистам присвоить австрийское (во время вторжения в Австрию в 1938 году) и чешское золото. В обоих случаях местом назначения, куда перевезли краденое золото (в случае с чешским золотом речь шла, как утверждают историки, о сорока восьми миллионах долларов), был швейцарский город Базель, а точнее — бронированные хранилища Банка международных расчётов, вскоре ставшего, почти подпольным образом, — широкая публика даже не подозревала о его существовании — главным среди центральных банков Запада.

До того времени Соединённые Штаты ещё были — или делали вид, что были, как показывают приведённые здесь цитаты из “Золотого века” Гора Видала, — актёрами на вторых ролях, младшими братьями, учениками. В отношениях Рузвельта и Черчилля можно увидеть отражение ещё недавно начавшегося упадка одних и возвышения других. Возвышение Третьего рейха поэтому происходило вначале под покровительством Британии, а в это время американские симпатии к нацизму быстро росли, и ненасытная жажда капиталов, которые были уже вложены и которые ещё можно было вложить в нацистскую Германию, стимулировала их не менее, чем идеологическая близость с нацизмом и ужас перед советским коммунизмом и плодами, которые пожинала

в те годы большевистская система планирования. На обоих берегах Атлантического океана кто-то дальше видел, понимали, что нацизм может стать важным союзником в борьбе против экспансии коммунизма.

Одним из главных заокеанских первооткрывателей нацизма стал Прескотт Буш, отец Джорджа Херберта Уокера Буша и дедушка Джорджа Буша-младшего, двух последних избранных президентов Соединённых Штатов Америки, управлявших страной в общей сложности три президентских срока. Дедушка Прескотт занимал важный административный пост в банке *Brown Brothers Harriman*, когда правительство США издало *Trading with the Enemy Act* (Закон о торговле с врагом). Шёл октябрь 1942 года, и 20-го числа этого месяца одним из первых последствий этого указа стал секвестр акций *Union Banking Group*, часть которой составлял *Brown Brothers Harriman*. Мотивом послужило то, что Прескотт Буш, Гарримен и их немецкие партнёры все вместе служили подставными лицами для нацистов и вместе управляли их делами в Соединённых Штатах⁵.

И они были не одни. Ещё одним влиятельным покровителем Гитлера был Генри Форд. На его предприятиях «сконструировали пятитонный грузовик, на котором строилось всё снабжение в немецкой армии»⁶. Однако речь шла не только о делах, инвестициях, военных машинах и прибылях, но и о дружбе. Операция «возвращение нацизма» в Америке и в Европе шла в связи с одним из самых важных и дальновидных проектов, связанных с разрывом Потсдамских соглашений. Речь шла о том, чтобы возвести на верховные посты Атлантического Альянса как можно больше способных нацистов – постепенно, систематически, опираясь на хорошо продуманную стратегию. В особенности это касалось сотрудников спецслужб Третьего рейха. Это были кадры очень опытные, идеологически убеждённые, и нужные они были не только для решения сиюминутных задач, но и для того, чтобы поставить на ноги информационные и коммуникативные структуры Соединённых Штатов, ещё находившиеся в зачаточном состоянии.

Одно из самых ярких дел в этой операции касалось генерала Рейнхарда Гелена, командовавшего русским отделом организации *Obercommando di Wermacht (OKW)*, то есть главного штаба Гитлера. Гелен был увезён, спасён американскими спецслужбами и в условиях полной секретности доставлен в Соединённые Штаты Америки. Как ясно каждому, вопрос этой операции был предварительно хорошо продуман. Речь шла о том, чтобы ключевой виновник ускользнул не только из советских рук, но и из рук союзников. Гелен увёз с собой самые важные части секретного архива о Советском Союзе. Условия этого бегства, сложность его организации указывают, что он пользовался покровительством на высшем уровне. В Вашингтоне Рейнхард Гелен вступил в тесные отношения с филонацистом Алленом Даллесом и с его братом Джоном Фостером Даллесом – первый станет главой *Central Intelligence Agency*, второй – госсекретарём.

И потому именно Гелен создал русский отдел ЦРУ, которое как раз возникло в эти годы, чтобы затем стать самым мощным оперативным орудием Соединённых Штатов Америки. Тогда оно называлось *Office of Strategic Services (OSS)* – это учреждение было распущено в 1945 году и заменено *Central Intelligence Group (CIG)*, а после принятия *National Security Act* (Закона о национальной безопасности) 1947 года стало называться ЦРУ. Эти высокие заслуги были признаны и вознаграждены, когда Гелен через несколько лет вернулся в Германию и встал во главе *Bundesnachrichtendienst (BND)* – спецслужбы ФРГ.

Следы Рейнхарда Гелена и Аллена Даллеса, ставшего тем временем главой ЦРУ, заметны во многих молниеносных карьерах нацистов в НАТО. Мы уже упоминали генерала Адольфа Хойзингера, ставшего председателем военного комитета НАТО после того, как он занимал пост в *OKW* на ступеньку выше Гелена. И нацистский адмирал Фридрих Гуггенбергер сделал карьеру и дошёл до верхов военного комитета НАТО в Вашингтоне. А нацистский генерал Ганс Шпайдель несколько позже, в 1957-м, стал главнокомандующим вооружённых сил Центральной Европы (*AFCENT*).

Список можно продолжать. Нацистские старшие офицеры, такие, как полковник Генниг Штрумпелль и полковник Гейнц Коллер-Штраусс под внимательным руководством Соединённых Штатов получили места в союзнических главных штабах и в руководстве спецслужб НАТО. Можно сказать, что все они

вместе создавали настоящую сеть контроля над политикой Атлантического Альянса, в свою очередь, интегрированную в ЦРУ. Эта связь между ними наилучшим образом характеризует и эту сеть, и ЦРУ.

Особенного внимания заслуживает история Эберхарда Тауберта, нациста с 1931 года, одного из самых высокопоставленных чиновников министерства пропаганды Геббельса. Когда война кончилась, ему удалось бежать в Южную Африку, но он вернулся в Германию под защиту Гелена, который позвал и его в спецслужбу *BND*. Оттуда он перешёл в министерство обороны под начало другого бывшего нациста, Франца Йозефа Штраусса, чтобы, наконец, тоже попасть в НАТО в качестве консультанта отдела психологической войны.

Одним словом, от Геббельса до отдела психологической войны в НАТО и потом, как мы увидим, до проекта *Bluebird* (“Синяя птица”) и “маньчжурского кандидата” Аллена Даллеса чёрная нить тянется к стратегии напряжённости в Италии, которая началась 12 декабря 1969 года с теракта на площади Фонтана⁷. Канва была та же. Берлинская стена отбрасывала тень на умы многих, кому показывали, как в платоновской пещере, образы-тени, которые они принимали за анархистов и коммунистов. Красные бригады с похищением Альдо Моро⁸, решение о котором принималось в Вашингтоне, и убийством его охранников стали апогеем *convenzio ad excludendum*⁹ Итальянской Коммунистической партии. В сущности, очень похоже на пожар рейхстага: отлично организованная *false flag operation*¹⁰, фирменный знак нацистов.

14. Аллен Даллес и операция “Скрепка”

Не только неизбежно, но и просто обязательно сделать здесь отступление, чтобы пояснить, какую роль сыграл Аллен Даллес в истории, некоторые из основных вех которой мы здесь реконструируем. Придётся изложить саму его биографию, чтобы сообщить факты и восстановить логическую цепь, которая их связывает. Даллес был первым “гражданским”, ставшим директором ЦРУ в 1953 году. Но его жизнеописание и до этой даты изобилует событиями. Отступая вспять, мы видим его директором *OSS* в Швейцарии под кодовым именем “Агент 110”, под прикрытием должности помощника американского посла. Он оставался там с 1942 по 1945 год. Идеальное место для адвоката, для банкира и для посредника в купле-продаже оружия, каковым он и был предыдущие десять лет.

Но его забывчивость в отношениях с нацистами восходит к более раннему времени – на несколько лет раньше его службы в Швеции. Например, когда 4 января 1933 года Гитлер, попавший в затруднительное положение, был спасён банком Шрёдера, покровительствуемым группой немецких промышленников, этому помогли и руководили операцией двое американцев – братья Джон Фостер Даллес и Аллен Даллес. Второй из них в 1934 году вошёл в административный совет банка Шрёдера, а первый стал юрисконсультom этого банка. И – эффектный оборот дела, достойный шпионского романа, – через два года банк Шрёдера объединяется с банком “Рокфеллер и К”. Последний, в свою очередь, поглотил уже упоминавшийся *Brown Brothers Harriman and Rock* (почти *Rockefeller*), где Даллес вёл финансовые дела с Прескоттом Бушем.

Многочисленные шпионские операции Аллена Даллеса удавались именно благодаря его широким связям и знакомствам в нацистской среде. Благодаря этим знакомствам ему удалось глубоко изучить спецслужбы Третьего рейха – методы, учреждения и людей. В самом деле, он сыграл главную роль в операции “*Paperclip*” – “Скрепка”, в ходе которой Соединённые Штаты “импортировали” на свою территорию около 20 000 немецких учёных и членов их семей. Операция получила санкцию Трумэна и строгий гриф “совершенно секретно”. Конечно, их нужно было наказать, но, чтобы этого не делать, использовали фиговый листок – разделение на тех, кто “сильно привержен нацизму”, тех, кто “немножко меньше”. Некоторые из них были слишком важны для государства, чтобы позволить их узнавать, и поэтому американская спецслужба подновила их биографии, снабдила их фальшивыми документами, прикрепив их скрепкой, чтобы в случае нужды можно было их отыскать. И обеспечила их домами, убежищами, службой, лабораториями в других странах, многие из которых были американскими “почти колониями” Соединённых Штатов.

Значение и важность этой операции были огромны. США убили одним выстрелом многих зайцев. С одной стороны, они приобрели кадры, сыгравшие решающую роль в научных успехах нацистской Германии, избежав риска, что эти кадры попадут в советские руки. С другой стороны, они могли использовать немецких нацистов, принявших американское гражданство, как шпионов для внедрения на советскую территорию¹¹. Говорят, что ни Трумэн, ни Эйзенхауэр не были в курсе ни масштабов операции, ни применения её результатов¹².

Именно при Аллене Даллесе были изобретены и опробованы утончённо разработанные системы, позволяющие ЦРУ избежать контроля политических институтов Соединённых Штатов. В период его руководства Центральным разведывательным управлением оно стало государством в государстве, часто таким могущественным, что могло своими действиями определять политику администрации США и самих президентов. В столкновении, идущем, когда я пишу эти строки, между действующим президентом Дональдом Трампом и тем, что многие комментаторы называют “глубинным государством”, легко различить корни этого последнего, крепко вросшие в спецслужбы. И в этом случае безумный страх перед советским коммунизмом принудил многих считать, что все средства хороши, чтобы противостоять КГБ. Включая те, которые могут обернуться против американских граждан, против государственных чиновников, против непокорных журналистов, режиссёров, писателей. И как раз в те годы, которые мы здесь исследуем, были заложены основы почти полной бесконтрольности ЦРУ.

Central Intelligence Agency Act (Закон о Центральном разведывательном управлении) был принят при Трумэне в 1940 году. Главы организации получили доступ к средствам самой настоящей секретной казны, которая существовала параллельно с государственной, и были освобождены от контроля и ограничений, связанных с использованием государственной казны. В указе открыто говорилось, что ЦРУ освобождается от обязанности предоставлять кому бы то ни было, не принадлежащему к этой организации, какую бы то ни было информацию, касающуюся самой организации, её функций, обязанностей её сотрудников, их числа, их жалованья. Исходя из этого, можно представить, и даже в деталях (информация, добытая благодаря опытности нацистов, тоже была проворно взята в оборот), как должны были использоваться перебежчики, “пятые колонны”, “подходящие иностранцы”, как свободно можно было подделывать документы, обходить иммиграционные процедуры, обеспечивать, когда нужно, экономическую поддержку, прикрытие, технику.

Кто хочет подробнее изучить, например, события, которые предшествовали 11 сентября – террористическому акту огромных масштабов, расчистившему путь для “бесконечной войны” против терроризма, – сопутствовали ему и следовали за ним, найдёт те же оперативные инструменты, работающие на полном ходу. Начиная с управления мнимыми террористами (которые вели четыре самолёта) как “подходящими иностранцами”, которых Соединённые Штаты снабдили въездными визами, а некоторым из них оказывали помощь и гостеприимство, даже когда они находились в тренировочных центрах ЦРУ и армии Соединённых Штатов. Но это уже другой, долгий разговор, выходящий за пределы этой работы. Всё это уже широко применялось, когда Аллен Даллес управлял американской политикой со своего поста директора ЦРУ до того дня, как Джон Кеннеди решил его уволить 28 ноября 1961 года.

Конъюнктурной причиной увольнения был провал вторжения в залив Свиней на Кубе, которое хотел и который даже навязывал Аллен Даллес. В действительности Даллесу предъявили тяжёлые обвинения круги американской печати, близкие к Джону Кеннеди и его брату Роберту: его обвиняли в финансировании нацистов перед Второй мировой войной; в сотрудничестве с американской мафией, в том, что он приводил к власти режимы определённо проамериканские, но также определённо не пользующиеся поддержкой народа, диктаторские, коррумпированные. Он ушёл после того, как лично испытал эйфорию имперской власти, вознёсшей его на самые вершины. Среди ста операций, которые “его” ЦРУ успешно осуществило, одной из “лучших” была знаменитая операция “Аякс” – свержение Мохаммеда Моссадыка в Иране в 1953 году. Одна из главных, как сейчас принято говорить, *regime changes* – операций по смене режима XX века. Место Моссадыка занял шах Реза Пехлеви, отменивший национализацию *Standard Oil Company*. То есть компании, которая, между прочим, принадлежала дяде Аллена Даллеса Джону Дэвисону Рокфеллеру.

За этой операцией последовала другая — “*PBSuccess*” — государственный переворот 1954 года в Гватемале, когда сместили демократически избранного президента Хакобо Арбенса Гусмана. Но в те славные годы Аллен Даллес действовал изобретательно в полном смысле этого слова. Выучка нацистов дала ему крылья, чтобы летать и в более отдалённые страны. В это время возник Голливуд, и его образы начинали вторгаться в мир вместе с долларом, поощряя завоевательный дух без пределов. Вероятно, именно в этой атмосфере возник в 1953 году проект “*MK-Ultra*”, иначе “*Bluebird*”¹³, иначе “*Project Artichoke*”. Речь шла о контроле над человеческой психикой, чтобы воспитывать бессознательных убийц и держать их “под гипнозом”, даже годами, пока они не понадобятся, чтобы можно было подтолкнуть их к действию какой-нибудь командой, влияющей на подсознание. В ЦРУ думали, что таким образом можно контролировать неудобных иностранных лидеров, приручать их или убивать. И Голливуд, так сказать, не отставал. Кто не слышал о фильме “Маньчжурский кандидат” (“Иди и убей!”) с Фрэнком Синатрой в главной роли?

15. Бреттон-Вудская конференция

Один из главных мотивов, вызвавших Вторую мировую войну, был специфически западным — это был тяжелейший кризис 1929–1930 годов. Советский Союз из-за своей экономической модели, альтернативной капитализму, и из-за своего богатого запаса энергетических полезных ископаемых остался от кризиса в стороне. Это был мировой кризис, и в первый раз он исходил из Соединённых Штатов, демонстрируя, что они уже в центре мировой экономической системы. Контроль над рынком обмена, в конце концов, подорвал в корне систему международных платежей. Конкуренция обменных курсов заменила реальную конкуренцию производственных процессов. Те, кто мог, снижали стоимость своей валюты и тем самым наращивали свой экспорт, уменьшая таким образом дефицит платёжного баланса. В результате доходы самых везучих стран, как правило, вырастали на краткий период, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе успех оборачивался катастрофой. Инфляция снижала спрос на товары, это, в свою очередь, провоцировало рост безработицы. Мировая торговля сокращалась.

В тридцатые годы, начавшиеся американским биржевым крахом 1929 года, большей части мира пришлось столкнуться с тем, что назвали Великой депрессией. Много сказано и написано в последующие десятилетия в похвалу экономической и социальной политике “Нового курса”, то есть мудрости и решительности Франклина Делано Рузвельта. Американский президент, без сомнения, был великим человеком, но этого самого по себе было бы недостаточно. Сегодня все знают — или должны знать, — что решающим фактором, позволившим преодолеть Великую депрессию, была трагедия Второй мировой войны. Такая оценка в особенности важна сегодня, когда большая часть западного мира находится в аналогичной ситуации. Инструменты контроля за системой стали мощнее и утончённее, но и вредоносность процессов и их способность избегать контроля выросла. И беспокойство, что кризис усилится, увеличивается с ростом сознания, что нет регулирующего “центра”, способного установить новые правила.

Эти предварительные и по необходимости краткие рассуждения приводят нас к другому важному моменту, охарактеризовавшему десятилетие, которое мы исследуем, — к Бреттон-Вудской конференции. Вторая мировая война ещё не кончилась, когда первого июля 1944 года открылись переговоры о том, чтобы установить новую международную валютную политику. 22 дня в напряжённых дискуссиях 730 делегатов от 44-х наций исследовали узлы, которые Великая депрессия обнаружила перед всеми без возможности их развязать. В отеле “Маунт Вашингтон” были представлены практически все страны западного мира, но очевидно было, что главных героев, которые могли бы решить, как регулировать торговые и финансовые отношения в послевоенном мире, меньше, чем пальцев на одной руке.

На Бреттон-Вудской конференции не было Советского Союза. Партия разыгрывалась между империей, которая сходила со сцены, и другой империей, которая на неё вступала; обе империи были капиталистические. Речь шла о том, чтобы в первый раз определить в планетарном масштабе международную финансовую политику. Всем остальным, вольно или невольно,

приходилось подчиняться исходу этой партии. Тот, кто должен был решать, знал, что будущее богатство и бедность народов зависят от этого исхода. Война скоро кончится. В этот момент ткался холст целого наступающего исторического этапа.

Война привела в движение огромные экономические ресурсы. Государство взяло на себя руководство этими процессами и приумножало инвестиции. Конечно, при этом оно без удержу делало долги, но зато избавляло страну от страха. Рецессия оставляла место для оптимизма. Открывались новые фабрики, занятость росла вместе с благосостоянием, а от этого росло и потребление. Единственное, с чем нелегко было справиться, – это память о недавней катастрофе. Война кончалась. Что будет дальше? Придётся вернуться к тревогам минувшего десятилетия? Бреттон-Вудская конференция в городе Кэрролл, штат Нью-Гэмпшир, проходила под знаком этого вопроса. Европа была грудой развалин. Америка хотела сохранить и увеличить своё благосостояние.

Факторы производства были, впрочем, совершенно ясны. Так же, как реальное соотношение сил и соответствующих интересов. Все европейские страны нуждались во всём, для них речь шла о том, чтобы заново запустить промышленное производство; восстановить разрушенную инфраструктуру; иметь еду, одежду, лекарства; производить железнодорожные, автомобильные, морские транспортные средства; заново строить разрушенные больницы и школы. Средства производства Америки были не только невредимы, но и в таком состоянии, что скоро должно было начаться перепроизводство. Европейские нужды были отличным симметричным ответом американскому богатству. Финансовая система Америки тоже была переполнена. Война сделала её главным кредитором. Золото европейских государств было перевезено туда, где оно не подвергалось риску и по большей части оставалось там по двум связанным друг с другом причинам: потому, что оно нужно было для гарантий возврата кредитов, и потому, что никто не мог обеспечить лучшей защиты, чем победоносный доллар.

Бреттон-Вудская конференция точно отражала ситуацию. Доллар стал единственной валютой для всей мировой торговли. Эта система создалась, когда США дали обязательство привязать доллар к золоту с фиксированной обменной ставкой 35 долларов за унцию. Поэтому центром системы стал “золотой стандарт”, и доллар был единственной монетой, соизмеримой с этим стандартом. Чтобы гарантировать (читай – навязать) всем остальным странам определённые правила, была создана система учреждений, и все они контролировались Соединёнными Штатами, которые определяли и контролировали систему фиксированных ставок при помощи доллара. Доллар тем самым стал резервной валютой всех центральных банков.

Этими учреждениями стали Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ). Полностью он назывался Международным банком реконструкции и развития. Все страны оказались обязанными соразмерять свою обменную ставку с долларом. “Учреждения” следили, чтобы “колебания” были незначительными. Задача уравновешивать международные платежи была поручена МВФ, представлявшему собой что-то вроде международного акционерного общества, в котором США могли контролировать всё. “Учреждения”, к которым впоследствии добавилось GATT (*General Agreement on Tariffs and Trade* – Генеральное соглашение по тарифам и торговле), чьей задачей была либерализация международной торговли, начали действовать только тогда, когда соглашение ратифицировало определённое число государств. Это произошло в 1946 году.

То, что я назвал учреждениями (так было и тогда, так остаётся и до сегодняшнего дня) – на самом деле, “международные амортизаторы” строжайшего американского контроля. После Бреттон-Вудской конференции доля США в МВФ составляла треть – более чем достаточно, чтобы взять на себя командные функции и решать, кому давать займы и на каких условиях, чтобы можно было оздоровить свой долг и платить проценты. Дискуссию в отеле “Маунт-Вашингтон” затруднило наблюдение, которое были в состоянии сделать все: Соединённые Штаты оказались в центре очень странной ситуации. Все европейские страны и Япония задолжали им огромные суммы. В то же время они управляли огромным излишком торгового бюджета и их резервы безостановочно росли. Проблема заключалась не в том, как привлечь

ещё новые доллары в Соединённые Штаты, а в том, чтобы доллары могли уходить из Соединённых Штатов. Существенное условие, чтобы распространять внешние инвестиции.

Но никто ничего не дарит просто так. Тот, кто держал в руках бразды правления, принял решение: американские инвестиции потекут в Германию и Японию в виде капиталов, прямых инвестиций, помощи, обучения кадров. Два врага во Второй мировой войне становились двумя бастионами долгого бескризисного развития Соединённых Штатов. В дальнейшем Германия и Япония могли стать конкурентами, но пока они находились в положении полной подчинённости. Надо было использовать эту подчинённость, чтобы связать их обязательствами, которые позволили бы Империи ограничить их будущие претензии. Поэтому обмен был одновременно и экономическим, и политическим: финансирование находящихся в подчинённом положении иностранных столиц, поддержка избыточного баланса в торговле с ними, политический контроль над их правящими кругами, чтобы не было эксцессов и излишков свободы, финансовый контроль над их бюджетами и их обменными ставками. Всё то, о чём мы же рассказывали в предыдущих главах: конец плана Моргентау, разрыв Потсдамских соглашений, создание Федеративной Республики Германия, — было результатом тех стратегических экономических оценок, с которыми США выступали на Бреттон-Вудской конференции.

Конечно, не все всё видели и не все всё понимали. Речь шла о том, чтобы сломить сопротивление, прежде всего в Европе. Но в том, что касается Японии, задача была быстро решена. Япония была одинока, у неё не было союзников, чтобы убеждать и успокаивать. Не было никакой нужды проводить что-нибудь вроде денацификации страны. Здесь Запад не оказывался перед лицом тяжкого исторического наследия, с которым требовалось бороться. И в любом случае, американцы не обращали на это внимания. У Страны Восходящего Солнца не было мощной агрессивной идеологии. Напротив, японский народ, будучи побеждён, проявлял всяческую покорность, совмещавшуюся с развитой промышленностью. Генерал Дуглас Макартур, командир оккупационных войск и вице-король Империи, загнал в угол императора, начал быстро заменять военные и политические элиты кадрами, управлявшими экономикой, как того требовала необходимость, то есть обещания, данные Америке. Американские капиталы довершили чудо, и восстановление было быстрым и беспрепятственным.

В Европе было труднее. Там был холокост, и евреи требовали правосудия. А сионизм воздействовал решающим образом на поведение влиятельных американских финансовых групп. В Америке тоже сильно была идея превратить Германию в картофельное поле. Среди союзников непримиримее всего против экономического и промышленного возрождения Германии настроены были французы. Они требовали, чтобы половина германских промышленных мощностей была разрушена. Они требовали опустошения Саара. Они были против идеи, чтобы немецкая марка фактически стала европейской валютой. Но их “переубедили” — на них подействовали деньги по плану Маршалла и мысль, что и французская экономика могла бы извлечь пользу из экспансии в Германию. Кроме того, всех остальных европейских политических руководителей, в том числе итальянских, Вашингтон успокоил заверениями, что очень скоро начнётся этап европейской политической интеграции. Это будет этап обуздания Германии, заявил Вашингтон. И сдержал обещание. Действие плана Маршалла продлилось четыре года — до 1951-го. Вскоре наметилось начало следующего этапа — создание Европейского объединения угля и стали: интеграция тяжёлой промышленности предшествовала интеграции политической.

На дороге оставалось только одно препятствие, мешавшее американцам совершить поворот, — Великобритания. Уинстон Черчилль стал эмблемой и главным действующим лицом сопротивления — скрытого, упрямого, искусного, изощрённого и основанного на опытности. Он отдавал себе отчёт в неизбежности маргинализации Лондона после того, как Вторая мировая война смела все карты. Мы помним, как он сопротивлялся проектам Франклина Делано Рузвельта. Он то и дело советовал неожиданно напасть на Советский Союз, пока тот только начал радоваться своей победе, но ещё пребывает в прострации от только что перенесённых неизмеримых разрушений.

Черчилль воплощал нетерпимое отношение британской элиты к тому приращению, которому, как она чувствовала, она подвергается. Он понимал,

и все понимали, что существование самой великой из империй, а именно — английской — близится к концу. И это происходит несмотря на весь опыт Лондона, на его умение, столь же изощрённое, сколь и хищническое, управлять своими трофеями, несравнимое с умением их “неотёсанных” американских родственников. Они не могли примириться ни с тем, что Британская империя уйдёт “по-английски”, ни с тем, что их древнее отечество окажется в подчинённом положении по отношению к своим бывшим колониям.

Так думал Уинстон Черчилль. А чтобы проиллюстрировать, что думала американская элита, можно снова использовать фразу, которую Гор Видал вложил в уста Гарри Хопкинса в своём романе: **“Теперь империя — мы, а они станут просто государством-сателлитом. Заморским островом. Конечно, они нам близки во многих смыслах, но не необходимы. Ясно выражаясь, мы можем выжить — и даже процветать — без них. Это дьявольски разумная мысль умных изоляционистов, которые не только за лозунг “America first”, как они говорят в своих выступлениях, но и за “America über alles”¹⁴ (“превыше всего” — слова из гимна нацистской Германии, начинавшегося со слов “Deutschland, Deutschland über alles”. — Прим. пер.).**

Но и в этом случае соотношение сил определило исход этого спора, прекратившегося, когда Черчилль сошёл со сцены. Соединённое Королевство вышло из войны с огромными долгами, которые надо было платить Соединённым Штатам. В том, что касалось восстановления промышленности, оно оказалось в положении, сходном с положением остальной Европы. А по отношению к Германии, которая не могла ничего требовать, а могла только смиренно повиноваться, Лондон претендовал на то, чтобы участвовать в руководстве тем, что там происходило, и даже подсказывать решения. “Неотёсанные” американские родственники усвоили британский прагматизм и потому просто решили “поставить на место” Лондон, не признавая за ним никакого права руководить. Взамен им предоставили право поддерживать свой покрытый славой фунт стерлингов; установили привилегированные отношения между Сити и Уолл-стрит; воздали честь их оружию и связали спецслужбы Британии как главной сотрудницы с американскими. Позднее ей предоставили честь и труд иметь — с американского разрешения — даже ядерное оружие. Империя теперь называлась Соединённые Штаты Америки.

Европейское объединение угля и стали в любом случае было самой крупной картой, которую американцы бросали на стол и которая, если использовать жаргон игроков в покер, позволяла им сорвать банк. И давала возможность регулировать цены, согласовывать решения насчёт производства, устанавливать общие критерии для измерения производительности труда. Кроме Федеративной Республики Германия и Франции, ЕОУС объединила Италию, Бельгию, Люксембург и Голландию. Все эти переходы: от плана Маршалла к ЕОУС, потом к Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), затем ставшей Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), были существенно важными инструментами, чтобы объединять, направлять по нужным каналам инвестиции, сделать единой, однородной европейскую экономику. И вместе с НАТО — для стандартизации военного производства, что тоже стало предпосылкой настоящего объединения Европы.

Можно спокойно утверждать, что план Маршалла был прародителем Европейского Союза, хотя, когда он был задуман, даже Соединённые Штаты ещё не имели ясных идей насчёт будущего. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Идеи проясняются быстро. Европа могла бы стать магазином для товаров и денег, чтобы позволить американской экономике и дальше процветать в следующие десятилетия без навязчивой идеи о новом кризисе. И, чтобы это могло осуществиться быстро, необходимо было без промедления заново запустить маховик немецкого производства.

Помогла созреванию этой американской мысли очевидность итогов войны: половина Европы была занята Красной армией. Как будет развиваться ситуация в этой части Европы, “потерянной” для Запада, никто не мог предвидеть. Существовало только убеждение, которое первым высказал Джордж Кеннан, что Запад сильнее, лучше организован, действует эффективнее, чем Советский Союз. И что, в конце концов, “сдерживание” врага завершится тем, что покажет, что Советский Союз не может повлиять на судьбы противостояния. Через сорок лет, как мы знаем, его “пророчество” осуществилось. Но это было такого рода пророчество, которое само себе помогало осуществиться.

В самом деле, это убеждение было подкреплено, углублено, поддержано гигантскими пропагандистскими усилиями, созданием учреждений-инструментов, организаций, финансированием, и всё это было нужно для одной цели: чтобы (используя грамшианскую терминологию) создать свою гегемонию, опираясь на две ключевых идеи – Германии как “бастиона Запада” и “нависшей советской угрозы”. То есть создавался консенсус и создавал вокруг себя идеологическую гегемонию новой империи.

Так стали расти, как грибы, культурные центры, учреждения, лобби, экономические структуры, и все они были предназначены для поддержки “европейского федерализма”. Немало миллиардов по плану Маршалла были направлены, прямо или косвенно, именно на эти цели. В 1948 году был основан АКОВЕ (Американский комитет объединённой Европы), который, в свою очередь, тут же создал – с помощью американских фондов: государственных, фондов Форда, Рокфеллера, ЦРУ – Организацию европейской молодёжи и Европейское движение. Это последнее поддерживали такие известные люди Европы, как бельгийский социалист Поль Анри Спаак, французский социалист Жан Мари Монне, итальянский христианский демократ Альчидо Де Гаспери, французский социалист Леон Блюм и, конечно, Уинстон Черчилль. Небесполезно будет напомнить, что вездесущий Аллен Даллес занял место члена консультационного комитета АКОВЕ.

О ЕОУС мы здесь уже говорили. Но к нему скоро присоединился ЕКО (Европейский комитет обороны), Европейский Совет, Европейская Ассамблея, Национальный комитет свободной Европы (который дал жизнь радио “Свободная Европа” и радио “Свобода”), план Шумана. Тысячам интеллектуалов, профессоров, культурных деятелей оказывали материальную поддержку, их организовывали и направляли, чтобы они поддерживали идею объединения Западной Европы. ЦРУ под руководством Даллеса немало своих средств направило в Европу через АКОВЕ¹⁵.

Но самым решающим было влияние технологического и культурного превосходства США в области массовой коммуникации. Превосходства как над Западной Европой, так и над Советским Союзом. Именно благодаря этому превосходству они сумели американизировать Европу. Голливуд стал решающим оружием для завоевания умов сотен миллионов европейцев и затем – десятков миллионов советских людей, когда телевидение хлынуло через границы и сделало старомодными анахронизмами как грубую советскую цензуру, так и значительную часть европейских народных традиций. Это превосходство продолжает существовать и в наши дни, как показывает распространение в Европе, в том числе и в Италии, такого традиционно американского праздника, как Хэллоуин, ничего общего не имеющего с европейскими традициями. Но это только один маленький пример. А самый недавний пример – “чёрная пятница”, последняя находка, чтобы и дальше распространять уже ставшее навязчивым неистовство американского потребительства.

16. Стена

Будет полезно вспомнить, что Берлин был полностью занят советскими войсками в первые дни мая 1945 года. Первые войска союзников присоединились к ним только через месяц. И Сталин соблюдал решения, принятые 12 сентября 1944 года, когда ещё шла война, трёхсторонней консультативной комиссией (США, СССР, Великобритания), по которым оккупированную Германию следовало разделить на три зоны. Эти соглашения предполагали, что Берлин будет находиться под совместным руководством держав-союзниц (Франция присоединилась к ним впоследствии). В то же время предполагалось, тоже с общего согласия, разместить в Берлине все органы контроля союзнических сил, которые должны будут в своё время разработать условия для подписания мирного договора.

Мы уже исследовали развитие многих событий, предшествовавших подписанию Потсдамских соглашений и следовавших за ними. Теперь попробуем посмотреть, как оно отразилось на состоянии Берлина и условиях жизни его обитателей. Параллельно с постепенной отменой Потсдамских соглашений западные страны начали шаг за шагом “интерпретировать” эти соглашения по своим меркам, часто даже не советуясь с “четвёртым оккупантом”, то есть с Советским Союзом. С оккупантом неудобным, и не только из-за его

силы, но и потому, что он был носителем другой экономической и социальной модели.

Как мы уже вспоминали, существовало общее соглашение о денацификации и демократизации Германии. Но, например, когда первые собрания граждан Берлина, организованные немецкими антинацистами, поставили перед союзниками вопрос о конфискации имущества у нацистских преступников и потребовали перехода промышленности в коллективную собственность, западное командование наложило вето. Для американцев и англичан невыносима была сама мысль о мерах социалистического характера в оккупированной Германии. Русские сделали то, что считали полезным, изгнав нацистов. В это время англо-американские оккупанты создали отдельный полицейский корпус. Фактически общесоюзническое командование перестало существовать.

Хотя статья 14 Потсдамских соглашений говорит, что “во время периода оккупации с Германией будут обращаться как с единым экономическим целым”, три западные державы создавали в своих зонах отдельные органы руководства местной экономикой. В декабре 1948 года были объявлены отдельные выборы в западных секторах и создан был муниципалитет Западный Берлин. Смертельный удар принятым ранее соглашениям был нанесён в июне 1948 года введением “западной марки”. С того момента, вследствие одностороннего решения союзников, в банках и обменных пунктах Западного Берлина за одну западную марку давали 4,7 восточных, а восточную марку продавали за 0,22 западных. Такой обменный курс совсем не соответствовал стоимости жизни в двух районах оккупации, западном и восточном. Передвижения жителей Западного и Восточного Берлина были в тот момент совершенно свободны. Не менее пятидесяти тысяч человек с востока регулярно ездили работать на запад. И, значит, им платили в четыре раза больше, чем восточным горожанам, за ту же самую работу.

Но квартплата, цены на свет, на газ, на транспорт были на востоке в четыре раза ниже, как и цены на продуктовые и потребительские товары. В результате западные жители хлынули в восточную зону, покупая тамешние товары с огромной выгодой. Восточные власти были не в состоянии привести ситуацию в равновесие. Каждый день продуктовые товары, требующиеся на востоке, в один момент утекали на запад. Поэтому восток был вынужден принять такие непопулярные меры, как, например, потребовать у тех, кто работал на западе, а жил на востоке, платить за всё коммунальное обслуживание в западных марках. И надо принять во внимание, что в западные зоны часто завозились потребительские товары из Соединённых Штатов, гораздо более обильные, разнообразные, привлекательные, по ценам, неприемлемым для восточных горожан, за которыми стояла бедная и полуразрушенная Россия.

Немедленно потерпели огромный экономической ущерб сначала непосредственно СССР, потом Германская Демократическая Республика, которая была создана не раньше, а после Федеративной Республики Германия (начала возникла ФРГ – 23 мая 1949 года, потом – ГДР, 7 октября 1949-го). Неравномерность богатства была решающим, но ещё не достаточным фактором. Возникла организация перекупщиков товаров в магазинах Восточного Берлина для западных покупателей; существовала систематически работающая организация по устройству “побегов” с востока на запад, которой помогали спецслужбы; создавалась западная радиотелевизионная пропагандистская сеть, перевозившая запад и систематически чернившая восток. Наконец, обе стороны создали две широкие шпионские сети, пользуясь отсутствием контроля на границе.

В таких условиях, всё более невыносимых для Советского Союза, четырёхстороннее соглашение формально было разорвано СССР – официальной нотой от 27 ноября 1958 года. Новый секретарь Коммунистической партии Советского Союза Никита Хрущёв – Сталин умер в 1953 году, и в советских верхах в полном разгаре была борьба за наследство – обвинил западные державы в том, что они поставили под сомнение Потсдамские соглашения, и заявил, что СССР больше не признаёт международный статус Берлина. Взамен он предложил превратить Берлин в “вольный демилитаризованный город” и призвал западные страны провести переговоры и прийти к окончательному соглашению в течение шести месяцев. Это предложение запомнится как “ультиматум Хрущёва” и кончится ничем. Борьба между востоком и западом становилась всё ожесточённее.

Но развитие событий до того момента, — несомненно ставшего поворотным для советской стороны, — показывает, что Москва не хотела и не захотела бы и дальше доводить до противостояния. Как мы уже описывали и объясняли в предыдущих главах, инициатива разрыва всё время принадлежала западным странам. Сталин лично, ещё в далёком 1942 году, при самом начале войны, когда гитлеровцы наступали, опубликовал и распорядился читать на советском радио приказ, в некоторых отношениях удивительный: “Уроки истории, — так звучало сообщение, которое слушали миллионы советских солдат и мирных граждан, — показывают, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся”. И в конце войны, 9 мая 1945 года, через семь дней после падения Берлина, вернулся к теме этой речи: “Советский Союз празднует победу, не предлагая разделить или разрушить Германию”.

Советский Союз, несмотря ни на что, твёрдо придерживался этих координат. И вплоть до того момента, когда вопрос о Берлине стал первостепенным и разделяющим, Москва выступала с неоднократными предложениями международных переговоров, которые должны были вылиться в международную договорённость о мире с Германией — со всей в целом. Берлин, по мысли советского руководства, должен был стать пунктом этой договорённости. Советские переговорщики указывали как на наиболее приемлемые два варианта, которые помогли бы избежать разрыва отношений. Первый — создание “всегерманского комитета”, сформированного из делегатов двух Германий, которые тем временем должны быть созваны по западной инициативе и должны представлять “всю Германию” на переговорах о мире.

Второй вариант, предложенный Москвой, заключался в том, чтобы державы-победительницы договорились подписать мирный договор с двумя существующими германскими государствами. В любом случае, даже если не будет возможности прибегнуть ни к тому, ни к другому варианту, заявил СССР, будет соблюдаться правило свободного доступа в Западный Берлин, хотя все дороги будут находиться под контролем Германской Демократической Республики. Дела, как мы знаем, пошли по-другому, но Советский Союз предпринимал многие инициативы, чтобы избежать такого исхода. В 1954 году, например, Советский Союз решил на шаг большого значения и установил дипломатические отношения с ФРГ, но в 1957-м правительство Западной Германии под руководством Конрада Аденауэра заявило, что прерывает всякие дипломатические отношения с любой страной, которая каким бы то ни было способом признает Германскую Демократическую Республику.

Застой в дипломатических отношениях стал постоянным, а обмен ударами, и не только политико-дипломатическими, — почти ежедневным. В августе 1960 года правительство ГДР вводит нормы, сильно затрудняющие сообщение между двумя зонами, и ограничивает возможность для западных граждан навещать своих родственников, оставшихся на востоке. В ответ правительство ФРГ прерывает все торговые отношения с “советским сектором”. Это было начало “экономической войны”. Высчитано, что между 1949 и 1961 годами оставили ГДР и Восточный Берлин почти 2,7 миллиона человек, половина из которых находилась в возрасте до 25-и лет. Только в 1960 году переездов на запад было 200 тысяч.

И всё-таки, как всегда и бывает, можно было найти другой выход. За несколько месяцев до окончательного разрыва Уолтер Липпман написал в *Herald Tribune* такие строки:

“Я убеждён, что будущее Западного Берлина нужно защищать уже не только с суровой твёрдостью, но понимая, что городу нужен новый статус. Когда Хрущёв говорит нам, что нынешний статус Берлина уже недействителен, Запад ошибается, когда ведёт себя так, как будто любое изменение статуса значило бы неудачу, как будто изменить статус значило бы сдать. Перемена статуса может быть и прогрессом. <...> Правильным ответом Хрущёву было бы предложение переговоров о новом статусе, когда Западному Берлину в будущем обеспечило бы порядок присутствие западных войск под западным патронатом <...>. Новый документ или статус должен начаться с открытого заявления, что Организация Объединённых Наций останется гарантом, пока два германских государства не договорятся опять сделать Берлин столицей снова объединившейся Германии. Ни одна из двух сторон не победила бы, но ни

одна и не проиграла бы <...>. У нас будет новое основание, новая юридическая, политическая и моральная структура, которая учитывает суровую реальность жизни: что ещё долго будут существовать две Германии и что Берлин нужно защищать особенным образом, пока Германия остаётся разделённой”¹⁶.

Путь диалога существовал, но его преграждали слишком многие обстоятельства, и ответствен за них был, главным образом, Запад. 5 августа 1961 года собрались секретари коммунистических партий с востока, которые, посоветовавшись, дали Коммунистической партии ГДР¹⁷ согласие на её решение закрыть границу с Западным Берлином и со всей Федеративной Республикой Германия. Решение вступило в силу 13 августа. В то утро на границе с Западным Берлином полиция и рабочие с востока спешно начали заменять цементными плитами и кирпичами столбы, между которыми была затянута колючая проволока; мостовые, пересекавшие границу, были уничтожены бульдозерами; команды полицейских, инженерные войска, военные отряды отрезали все транспортные линии, соединявшие один сектор с другим. Были места, где граница отделяла дома с одной стороны улицы Восточного Берлина от тротуара на той же самой стороне улицы, который оказывался уже в Западном Берлине. Так было на Бернауэр-Штрассе, которая поэтому прославилась на весь мир как эмблема абсурдной ситуации. Таким образом, окна на целых фасадах были замурованы, и ворота с той стороны закрылись “навсегда”. Тысячам людей из Восточного Берлина пришлось менять место жительства.

Строительство Стены длилось около десяти дней. Немцы, хотя и восточные, показали себя настоящими немцами — они действовали с поразительной быстротой и организованностью. Одновременно было прервано всякое сообщение: закрыты линии метро, отменены трамвайные и автобусные маршруты. Город изменил форму. Десяткам тысяч человек пришлось менять работу. Десяткам тысяч человек пришлось навсегда попрощаться со своими родственниками, со своими возлюбленными, со своими привычками. Пограничникам было категорически приказано использовать оружие, чтобы пресечь всякую попытку перейти границу. Для граждан Западного Берлина, у которых были обязанности в Восточном и которых нечем было заменить, и для иностранцев остались открытыми семь проходов, за которыми бдительно следили, и один железнодорожный переезд. Для граждан востока все проходы были закрыты.

Так Стена, разрезав город надвое, открыла совершенно новую страницу истории человечества. И даже разрезала надвое западный мир или его большую часть. “Холодная война” с того момента стала реальностью, нависающей над всеми и с той, и с другой стороны великой метафорической стены, фактически разделившей весь мир на две системы. Эта Стена просуществовала 28 лет. Теперь её больше нет, Германия едина и теперь доминирует над Европой. По-другому, но доминирует. Две системы больше не существуют. Во всяком случае, не существуют так, как они мыслились тогда. Мир перестал быть двухполярным. У Запада нет больше “единственного” врага — СССР. А Россия, в свою очередь, стала капиталистической после того, как потерпела поражение в своём социалистическом облике. Но не стала поэтому другом Западу.

Уже сорок лет растёт Китай, управляемый огромной — и странной — коммунистической партией. Неудержимый, мощный, в значительной степени непонятный и таинственный. Империя, победившая в “холодной войне”, клонится к упадку. Её вассалы в замешательстве. Мы её подданные. 1989 год далеко. Мы празднуем его, чтобы сделать вид, что мы всё ещё победители.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gore Vidal, L'Eta dell'Oro. Fazi Editore, Roma 2001, pag. 13.*

² *Ibidem, pag. 130.*

³ Генри Брук Адамс — историк и член семьи Адамсов, давшей Соединённым Штатам Америки двух президентов. — Прим. авт.

⁴ *Ibidem, pag. 141.*

⁵ *Webster Tarpley-Anton Chaitkin. George Bush: The Unauthorized Biography, Executive Intelligence Review, 1991.*

⁶ Тот, кто захочет удостовериться, что экономические и финансовые интересы Америки распространялись на нацистскую Германию, может проконсультироваться с изданием *Charles Higham. Trading With The Enemy, The Nazi-American plot 1933–1949. Dell Book, 1983*, из которого взята цитата (с. 23) и другая приведенная здесь информация. — *Прим. авт.*

(Эта книга есть на русском языке: Чарльз Хайам. “Торговля с врагом”. М.: Прогресс, 1985. Доступна и в электронном виде. — *Прим. пер.*)

⁷ Теракт на площади Фонтана — взрыв в миланском сельскохозяйственном банке 12 декабря 1969 года. Погибли 16 человек. В организации взрыва подозревали сначала ультралевых, потом были найдены улики против неофашистов. Были арестованы трое неофашистских активистов. Оправданы судом “за недостатком улик”. — *Прим. пер.*

⁸ Альдо Моро (1916–1978) — председатель Национального совета Христианско-демократической партии. Способствовал налаживанию сотрудничества христианских демократов с коммунистами. 16 марта 1978 года был похищен членами террористической группировки “Красные бригады” и через 55 дней убит ими. — *Прим. пер.*

⁹ Соглашение об исключении, то есть о том, чтобы не допускать членов ИКП в правительство. — *Прим. пер.*

¹⁰ “Операция под ложным флагом” — тайная операция, устроенная с целью обвинить в ней организацию или государство, на самом деле к ней не причастные. — *Прим. пер.*

¹¹ *La Cia: cosm usammo i criminali nazisti per la guerra fredda Svelati i dossier americani sugli accordi segreti con le SS per la resa tedesca nel Nord Italia. Ennio Caretto. Corriere della sera. Archivio storico. 28 aprile 2001. pag. 31. Cia, la guerra sporca e quei mille nazisti arruolati contro i sovietici. Massimo Gaggi. Corriere della sera. Storia. 28 ottobre 2014.*

¹² Многие подробности этой операции всплыли только в 2007 году, когда на основе *Freedom of Information Act* (указа о свободе информации), был рассекречен документ *CIA and nazist war criminal and collaborators*. — *Прим. авт.*

¹³ “*Bluebird*” (“Синяя птица”) — проект ЦРУ по управлению сознанием. Предполагалось, что, используя в совокупности голод, лишение сна, запугивание, наркотики и гипноз, можно “запрограммировать” человека на совершение бессознательных действий, в том числе убийства. В качестве “материала” для экспериментов использовались корейские военнопленные. Впоследствии для подобных экспериментов (проекты “Артишок” и “МК-Ультра”) использовались заключённые, бездомные и пациенты психиатрических клиник. — *Прим. пер.*

¹⁴ *Gore Vidal, L’Eta dell’Oro, pag. 73.* Гарри Ллойд Хопкинс был главным сотрудником Франклина Делано Рузвельта в период Нового курса; он бы министром торговли. — *Прим. авт.*

¹⁵ <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/1356047/Euro-federalists-financed-by-US-spy-chiefs.html>; <http://www.voltairenet.org/article184354.html>).

¹⁶ *Herald Tribune, 9 апреля 1961.* — *Прим. авт.*

¹⁷ *SED* — Социалистическая единая партия Германии. — *Прим. авт.*